

Житьё-бытьё

Светлана Шагако

Светлана Шагако

ЖИТЬЁ-БЫТЬЁ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70480039

SelfPub; 2024

Аннотация

История простой деревенской женщины. Рассказ о том, что пока человек жив, смысл жизни не заканчивается.

Светлана Шагако

Житьё-бытьё

Бабке Матрёне в этом году 80 лет стукнуло. Последние пять лет она готовилась помирать. В позапрошлом году даже коровку свою продала удачно: дёшево, но зато не на убой, ветеринар из соседнего села на молоко купил. Потом бабка Матрёна привела в порядок могилки мужа и сына: подновила памятники, покрасила оградки. Себе местечко рядом приготовила. И каждый раз напоминала местной почтальонке Рае, чтоб именно рядом похоронили.

Рая заглядывала в домик на окраине каждую неделю: то с пенсией, то с телепрограммой, которую бабка Матрёна по привычке выписывала, хотя телевизор у неё даже в хорошую погоду плохо показывал.

– Ты бы вот чем место подбирать, – ворчала Рая, – лучше б поближе к людям перебралась, домов вон сколь пустует! Или хоть в престарелый дом, с твоей-то пенсией тебя туда за милую душу возьмут... А то тащиться к тебе два километра, репы по дороге собирать, чё случись, и будешь тут одна лежать, пока кто найдёт!

– Тут сынок мой Паша жил! А лежать-то, поди, долго не придётся! Люди схоронят, снаружи-то ещё никого не оставили...

– Н-у-у-у... Засобираала!

Мужа бабка Матрёна потеряла давно, ещё когда сын маленький был. На лесозаготовке лесиной прибило. А сын ушёл в армию служить, исполнять интернациональный долг, да и не вернулся, погиб...

Как пережила, сама не помнит. Работой только и спасалась да людям помогала, то с детками посидеть, то по хозяйству. От бабушки своей знания в травничестве переняла, лечила понемножку – у детей грыжи правила и испуг выливала.

Целый день руки и голова работой были заняты, а вечера долго тянулись – сидела на крылечке дома и думала о житье-бытье. Была семья, планы строили, надеялись... А теперь что? Альбом с заветными фотографиями только и остался...

Иногда брала книги сына, их ему в школе за хорошую учёбу дарили. Перечитывала любимые страницы. Думала о людях, которые эти книги написали: «Это же надо! Вот ведь уже многих в живых нету, а думки их в печатном слове до сих пор среди людей живут! До сих пор любой может книжку открыть да поговорить как с живым человеком...»

Не могла только тетрадку сына с его стихами читать. В руках подержит и обратно положит.

Место для тетрадки выбрала в красном углу на столе под иконами. Салфеточку кружевную сама связала и на неё положила.

Стихи писать Паша начал ещё в школе, продолжил в армии, тетрадку с собой забрал. Её потом вместе с ним при-

слали...

Паше учительница предлагала его стихи в газету послать, но он всё отмахивался со смехом:

– Вот с армии вернусь!

Не вернулся...

Люди её в память о муже и сыне, да и за былое добро не оставляли. То пастух местный заглянет, покричит через забор:

– Бабка Матрёна! Ты жива ли там?

– А то! Пеструшку-то в стаде не обижаешь? Как она?

– Как сыр в масле катается! Тем более сама их и производит! – смеётся пастух своей, только что придуманной шутке.

А она уже спешит к нему с кулёчком из газеты.

– Ну-ну... На вот деткам шанежки.

– Да ты что, бабка Матрёна! Зачем? Сама ешь!

– Бери-бери... Пусть Пашеньку моего помянут.

– То да-а-а... Святое дело!

Рая, почтальонка, если уж дойдёт, то и почаёвничать сядет, и рукава закатает, что-нибудь поможет. Ей бы самой уже пора на пенсии сидеть, да никак не оставит работу: никак не найдут ей замену – молодые за такую низкую зарплату не хотят на почту идти.

А иной раз и односельчане соберутся за грибами-ягодами, по дороге в лес занесут продукты из местного магазина да приветы от старух-подружек передадут. Так и перебивалась.

А в прошлом году совсем было слегла, расхворалась, но тут к ней прибился одноглазый раненый кот.

В каких баталиях его потрепали, неизвестно, но лечить долго пришлось. Тут и знания травницы пригодились. Люди-то в последнее время уже не обращались, проще в городе в аптеке всё купить и за полчаса болячку вылечить, чем травки да припарки... Но Васька принимал лечение с благодарностью и через месяц уже распушил рыжий хвост и каждый день сидел на заборе как сыч, вглядываясь вдаль единственным глазом.

Бабка Матрёна его пыталась пристроить, но он возвращался.

Она часто ему выговаривала:

– И чё вот пришел! Сидишь... Ну и сиди! Вот помру – один останешься! Пеструшка вон моя прижилась у людей и живёт себе припеваючи... Помереть спокойно не дадут...

Но долгими одинокими вечерами бабка Матрёна была рада обществу Васьки.

– Хоть поговорить есть с кем! А то чё ж сама с собой говорю-то, люди ещё подумают: чёкнулась бабка!

В тот день бабка Матрёна, как обычно, копалась в огороде. Полола да поливала. Тяжело уже было, но по привычке садила огурчики да картошечку – что ж земле пустовать?

Работу прервала Рая. Пенсию принесла. И рассказала новость, что из города студенты-практиканты приехали, ходят

по домам, местный говор, как они говорят, слушают да записывают. А ещё записывают жизнь-бытьё обычных людей, книжку хотят сделать.

– Частушки-то хоть какие повспоминай, байки там разные...

– Да в мою-то глушь никто не потащится...

Но студенты пришли. Бабка Матрёна долго волновалась и суетилась, не зная, куда посадить и как лучше приветить. Чай заварила на травках, на стол накрыла. Но помочь ребятам ничем не смогла.

– Песен-то я отродясь не пела... Частушек-сказок не упомяну... Не до сказок было – детство послевоенное: и поголодать довелось, и толком не доучилась...

Студенты заскучали, вежливо засобирались дальше.

Одна только девушка Аня всё продолжала интересоваться: из каких травок чай да что это сохнет в пучках над печью, а потом и к заветному подобралась – без спроса взяла со стола тетрадку со стихами Паши и не отрываясь прочла несколько страниц.

Бабка Матрёна хотела было девушку остановить, но как будто дар речи потеряла.

– Это стоит опубликовать! – заявила Аня. – Дайте мне тетрадку и ваш номер телефона, я с вами свяжусь!

Сердце бабки Матрёны затрепыхалось – и страшно стало, что тетрадку заберут, и надежда появилась, что люди в книге

стихи сына прочитают. И тут же она расстроилась.

– Да какой там номер-то! Давали ребяташки наши деревенские мне старенький мобильник, но я не научилась, как там звонить... Так и отдала обратно... Если только письмо...

– Да вы шутите! Письма бумажные в прошлом веке писали! – засмеялись парни.

– Я напишу! – шикнула на парней Аня.

Бабка Матрёна долго не хотела отдавать тетрадку, трепетно прижимала её к груди. Это было самое большое сокровище в её нынешней жизни. Но подумалось, что если не отдать её этой молодой девочке, то так и уйдут стихи сына вместе с ней, с бабкой Матрёной, в никуда... И когда ребята вразнобой начали прощаться, она сунула тетрадку в руки Ане.

После ухода ребят бабка Матрёна долго переживала. Вспомнилась вдруг сказка, которую ей ещё бабушка рассказывала, и песня старинная. Долго думала, как же так опростоволосилась... Переживала, что не нарвала ребятам огурчиков в дорогу. И всё думала про Аню. А про Пашину тетрадь старалась не думать.

Почтальонка Рая ещё и отругала:

– Ну вот зачем отдала тетрадку? Потеряет и думать забудет!

– Да уж и так один конец – с собой разве забрать?

Но надежда всё теплилась.

И вдруг оно пришло.

Через три месяца.

Письмо!

Рая ещё издалека закричала:

– Студентка твоя написала! Заказное! Толстое!

Бабка Матрёна долго трясущимися руками распечатывала увесистый пакет. Там оказалось письмо и книжечка с Пашиным именем на обложке.

Читать письмо хотелось в одиночестве, но продрогшая на холодном ветру Рая уселась чаёвничать и не уходила.

Несколько минут аккуратные Анины буквы расплывались перед глазами, пока бабка Матрёна не уловила смысл.

Пашины стихи опубликовало местное издательство в виде небольшого сборника. И несколько книжечек даже будут переданы в библиотеку. А весной Аня заедет в гости и сама привезёт тетрадку.

И ещё в письме было что-то про книгу, которую пишет сама Аня.

Рая долго удивлялась такому исходу событий, так и сяк вертела в руках тоненький сборник. Да все пыталась подсушить Матрёне принесённые с собой сердечные капли или померить ей давление.

– Да угомонись ты уже, Рая! Сядь! Сама выпей свой валокордин! – не выдержала бабка Матрёна.

А когда Рая уходила, наказала ей:

– Жива ли там мужа моего сестра троюродная, Настасья? Ей же поболе моих лет будет... Пусть в гости ждёт на неделе,

будем жить-бытьё вспоминать, пока живы... Для Аниной
книги...